
Марина Ветрова ✦ Ольга Шиллинг
Вдова поневоле.
Ты инсценировал смерть
ради миллионов,
а шейх подарил мне жизнь!

Марина Ветрова
Ольга Шиллинг

Вдова поневоле. Ты инсценировал смерть ради миллионов, а шейх подарил мне жизнь!

https://litres.ru/74702223
SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад мой муж погиб в море. Тело так и не нашли, зато меня объявили убийцей, оставили без дома и денег.

Теперь я горничная в роскошном отеле, где мою чужие номера и прячусь от обвинений.

Но однажды вижу в порту собственного покойного мужа! Живого, богатого и наглого.

Он инсценировал смерть ради страховки в сто двадцать миллионов и теперь угрожает отправить меня за решётку.

Единственный, кто готов выслушать меня, — могущественный Шейх Халид.

Он предлагает защиту, но у этой помощи есть цена: довериться мужчине снова.

Я докажу страшную правду, верну своё имя. А возможно, впервые узнаю, какой бывает настоящая взаимная любовь.

Содержание

Глава 1. Мёртвый муж с живой улыбкой 5
Глава 2. Долг мёртвого 10
Глава 3. Вилла за тяжёлой дверью 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марина Ветрова, Ольга Шиллинг Вдова поневоле. Ты инсценировал смерть ради миллионов, а шейх подарил мне жизнь!

Глава 1. Мёртвый муж с живой улыбкой

Тележка с чистым бельём скрипит на третьем колесе уже второй год, и я давно научилась толкать её правым плечом, чтобы не звенела на весь коридор. Гостиница «Морская жемчужина» — пять звёзд, белые стены, запах жасмина и денег. Я здесь мою туалеты и заправляю кровати с уголком таким острым, что им можно резать хлеб.

Меня зовут Аня Ефремова. Тридцать три года. Вдова.

Вдова — смешное слово, когда твой муж год как мёртв, а ты каждый вечер засыпаешь с мыслью, что тебя посадят за убийство несуществующего трупа.

— Ефремова! — Раиса Павловна, глава администрации, вынырнула из-за угла, как всегда в белоснежной блузке и с планшетом. — Двести один. Шейховые люди прибывают, номер должен блестеть до зеркала. И не смей под нос себе бурчать, я слышу.

— Никогда, — сказала я, и она фыркнула и пошла дальше.

Раиса Павловна меня не любит. Точнее, она меня не замечает, и это лучшее, что со мной случилось за последний год. Она единственная на всём курорте, кто никогда не спрашивал: «А вы правда та самая?» — с наклоном головы и восторженным ужасом в глазах.

Та самая. Та самая Аня Ефремова, чей муж, капитан дальнего плавания Кирилл Ефремов, вышел год назад в море на своём стареньком сухогрузе «Мария» — названном, между прочим, не в честь меня, а в честь его матушки, — и не вернулся. Спасательный жилет с его именем нашли через три дня. Тело не нашли вообще. Страховая компания выплатила его матери Ларисе Станиславовне крупную сумму — я подписала отказ, потому что Кирилл ещё при жизни всё переоформил на маму, а я была слишком влюблённая дура, чтобы читать бумажки. И вот на мне висит: убила мужа за деньги, которых не получила. Удобно, правда? Полиция думает так же. Дело висит, лицо подозреваемой в местных пабликах висит, дом арестован за долги мужа — вот такие долги капитана, я узнала о них, когда судебные приставы описали мою кофемолку.

Я отмыла двести первый номер до дрожи в руках. Полотенца сложила веером, как учили. Шёлковые подушки взбила. В кармане джинсов отыскала монетку — на кофе у персонального автомата в подсобке, моё единственное удовольствие дня.

А потом из окна второго этажа, где я протирала подоконник в коридоре, я увидела, как в порт курорта заходит яхта.

Порт у нас маленький, милый: марина с белыми катерами, набережная с фонариками, за ней — закрытая зона вилл. Яхт сегодня пришло три, но третья была не как все. Она шла медленно, белоснежная, с золотистой полосой по борту, и на мачте развевался флаг, который я за год работы здесь выучила лучше собственного лица: флаг шейха. Халида аль-Рашиди, владельца всего этого берега, всех этих вилл, отеля, где я мою чужие унитазы, и, по слухам, половины портов в трёх морях. Шейх прилетал редко, раз в сезон, и каждый раз курорт замирал: прислуга бегала строем, в лобби пахло уда и свежемолотым кофе, а Раиса Павловна теряла голос от команд.

Я смотрела на яхту, и в груди у меня было пусто и тихо, как в вымытом номере до заезда.

Швартовые подали. По трапу пошли люди. Погрузчик у склада уже растащил ящики, и мужики в телогрейках — наши, местные, из докеров, — катили тележки с грузом, который яхта привезла с собой. Сухогрузный такой груз, странный для яхты. Я прищурилась.

И тут он вышел из-за контейнера.

Я узнала его раньше, чем мой мозг успел понять, кого узнаёт. Тело среагировало первым: подоконник поехал под ладонью, тряпка упала, желудок сжался в холодный кулак.

Кирилл.

Мой муж. Капитан Ефремов. Погибший, оплаканный, вписанный в свидетельство о смерти. Тот самый, чей жилет болтался три дня в море, чью могилу-кенотаф я полила цветами в прошлый приезд на родину, стоя на коленях на мокрой траве.

Он был живой. Загорелый, дорогой, в белой рубашке с закатанными рукавами, с часами, которые стоят больше моей годовой зарплаты. Он разговаривал с докером, что-то говорил, смеясь, — и я видела его рот, его зубы, родинку над губой, которую я когда-то целовала. Живой. Румяный. С толстой пачкой денег, которую он отсчитывал прямо там, на солнце, не стесняясь.

Год. Год я была вдовой. Год меня полоскали в прессе, год свекровь Лариса Станиславовна давала интервью с платком на голове и словами «эта женщина уничтожила моего сына», год я просыпалась в съёмной комнате с крестом на потолке от трещины и думала: зачем?

Он поднял голову.

Наши взгляды встретились через двор, через сотню метров маринского воздуха, пахнущего соляркой и солью. Я не могла двинуться. Тряпка лежала у моих ног, вода капала с

подоконника на пол, который я только что вытерла.

Он меня узнал мгновенно. И знаете, что сделал человек, который должен был побледнеть, испугаться, бежать?

Он улыбнулся. Широко, белозубо, нагло. И медленно, издевательски послал мне воздушный поцелуй — правой рукой, с той самой родинкой, с тем самым запястьем в дорогих часах. Поцелуй полетел через порт и шлёпнулся мне в сердце, как дохлая рыба.

Потом он повернулся и растворился за складом, а я стояла с тряпкой в руке и слышала, как собственное сердце колотится где-то в горле.

Мой муж жив. А значит, год моей жизни, моей репутации, моего дома — всё это было разрушено человеком, который разгуливает по порту с пачкой денег и белозубо улыбается.

Я подняла тряпку. Руки не слушались. В кармане хрустнула та самая монетка на кофе, и я вдруг подумала, что сегодня — последний день, когда я мою чужие туалеты и молчу.

Я не знала пока, как. Но я знала главное: он жив. И я это докажу. Любой ценой.

— Ефремова! — голос Раисы Павловны донёсся из глубины коридора. — Что за лужа в двести втором?!

— Сейчас, — сказала я ровно. — Уже.

«Уже», — подумала я, вытирая пол, которого не марала. — Уже всё. Сейчас всё начнётся.

И я была права.

Глава 2. Долг мёртвого

Он позвонил мне в дверь той же ночью.

Я снимаю комнату в посёлке за холмом, минут двадцать пешком от отеля. Домик хозяйки Зины, синие ставни, кот, который считает подоконник своей территорией. Я сидела на кровати, не раздеваясь, с телефоном в руках — гуглила порт, рейсы яхт, список пришедших судов, — когда внизу цокнули ступеньки.

Кот заорал. Дверь тихо, вежливо скрипнула — ключ у меня, значит, кто-то открыл своим. Я замерла. Потом в коридоре скрипнула половица — я знаю каждую половицу в этом доме, — и в проёме моей комнаты встал Кирилл.

Живой, в свитере, в моих старых джинсах — в тех самых, что пропали из нашего шкафа за неделю до его «смерти». Вот так деталь. Вот так мать его… Вот так сюжет.

— Привет, вдовушка, — сказал он.

Я не закричала. Хотелось — горло свело — но я не закричала, потому что поняла: кричать сейчас — проиграть. Он ждал крика. Он вообще много чего ждал.

— Я тебя убила, — сказала я. — По телевизору. В газетах. У меня было отличное настроение весь год, спасибо.

— Лариса старается, — кивнул он, как будто речь о погоде. — Она вообще молодец. Наняла двух журналистов и одного следователя. Очень продуктивная женщина, жалко, не

в бизнесе.

— Ты мёртвый.

— Я? — он развёл руками. — Я тут. Можешь пощупать. — Он сделал шаг ко мне, и я отступила к окну. Синие ставни за моей спиной, кот на подоконнике, весь мой мир — четыре стены и арестованный дом в трёх тысячах километров.

— Что ты хочешь?

— О. — Он сел на мою кровать. Сел, хозяйски, как садился тысячу раз, и от этого стало тошно. — Прямо к делу. Уважаю. Видишь ли, Ань… — он покрутил в пальцах мой рулон чистых носовых платков, купленный на распродаже, — дело о твоём убийстве меня, капитана Ефремова, находится в подвешенном состоянии. Но есть люди, которые очень хотят его оживить. Следователь, например. Лариса. Страховщики, которые вдруг узнали, что на яхту в их порт пришёл очень живой пассажир с очень знакомым лицом. Пойми, я и сам не рад.

— Ты сам всё устроил.

— Я обеспечил семью, — ровно сказал он. — Страховка — сто двадцать миллионов. Плюс грузовые контракты, плюс доля в линии, которую ты, конечно, подписала не глядя, как всё подписывала. Ты была удобной женой, Ань. А теперь будешь удобной вдовой. Смотри.

Он достал телефон, покрутил, сунул мне под нос. Фотографии. Документы. Моя подпись — да, моя, я подписывала доверенности, не читая, — на бумагах, где из честного

лица я превращалась в лицо, которое «принимало участие в оформлении груза „Марии“ в последнем рейсе». Экспертные заключения. Схемы. Показания двух матросов — я запомнила фамилии: Гвоздев и Меликян, — о том, что видели, «как женщина в капюшоне» была на борту перед отплытием.

— Всё это уже в деле, — мягко сказал Кирилл. — Лежит. Спит. Одна моя телефонная звонка — и оно проснётся. Ты понимаешь, что тебя посадят за убийство человека, которого нет? Труп не найден, улики найдены, свидетели есть. Классика. Года четыре, может, пять, с учётом примерного поведения. Тебе будет тридцать восемь. Всё ещё красивая, кстати.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри, под рёбрами, остывает и твердеет что-то очень спокойное. Такой лёд приходит ко мне редко, но если приходит — держится долго.

— Чего ты хочешь, Кирилл?

— Хочу, чтобы ты молчала, — просто сказал он. — Ты меня видела. Ты взбесишься, начнёшь бегать по конторам, орать «он жив». И тебе не поверят. Ты — подозреваемая, Аня. Подозреваемая, которая говорит, что жертва жива, — это бред больной женщины. Тебя упрячут в психушку на экспертизу, а потом в тюрьму. Вариант два: ты молчишь, я живу, ты работаешь горничной, пока суд да дело, а через пару лет я «найдусь» — скажем, вернусь с амнезией, и все обнимаются, и дело против тебя закрывают за отсутствием события. Красиво же?

— А взамен?

— А взамен ты подписываешь сейчас одну бумажку. — Он достал из кармана сложенный лист. — Отказ от притязаний на имущество и компенсацию морального вреда. Ну и расписку, что никаких требований к семье Ефремовых не имеешь. Чистая формальность.

— Ты оставляешь меня ни с чем и угрожаешь мне тюрьмой, — сказала я, — и называешь это формальностью.

— Я называю это жизнью, Ань. Ты в ней мало понимала. — Он положил ручку на лист, аккуратно, параллельно краю, как когда-то клал приборы к тарелке. — Подпишешь — я уйду и забуду. Не подпиши — завтра утром следователь выезжает. У тебя ночь на раздумья. Чайник внизу, Зина добрая, поужинай.

Он встал, вышел. Внизу скрипнула дверь. Кот спрыгнул с подоконника и спрятался под комод — зверь понимал лучше меня, с кем имел дело.

Я не спала. Я сидела до пяти утра с листом на коленях и ручкой в руке и думала.

Понимаете, в чём дело? Раньше я была женщина, у которой есть муж. Муж решал, муж подписывал, муж говорил «я знаю, что делаю». Я верила, любила, готовила и ждала из рейсов. Потом муж «умер» — и я стала женщиной, у которой есть дело. Дело — это тоже муж, только хуже: оно сидит в чужих папках и решает за тебя. А я всё ждала. Ждала, что адвокат поможет, что следователь разберётся, что кто-

нибудь сверху увидит и скажет «тут ошибка, отпустите женщину». Никто не увидел. Никто не сказал.

Теперь я сидела с ручкой и понимала: если подпишу, я стану навсегда. Вечной удобной вдовой. Пока Кириллу удобно — я буду молчать, потом он придумает, что мне ещё сделать, потом ещё. Люди, которые шантажируют один раз, не останавливаются. Мой муж жив, и это означает, что он будет жить хорошо — за мой счёт, за счёт моего молчания.

Я встала, подошла к окну, раздвинула ставни. Внизу спал посёлок, за холмом чернела марина, а далеко, на самом мысу, светилась вилла — единственная, что горела всю ночь. Вилла шейха. Люди говорили: если шейх на курорте, у огней на мысу горит его резиденция, и вход туда закрыт даже для министров, если они вдруг заходят.

Живой муж, который грозит мне тюрьмой. Мёртвый муж, которого я «убила». Доказательства, которых я не могу достать, потому что я горничная, подозреваемая и никто.

А наверху, на мысу, сидит человек, которому подчиняются порты.

Я взяла ручку. Кирилл ждал подписи — он её получит. Не ту, которую просит, но получит. Я порвала лист на аккуратные полоски, потом полоски — в клочья, потом вышла на крыльцо и высыпала их в ведро с рассадой Зины. Кот вылез из-под комода и посмотрел на меня с уважением.

Утром в девять тридцать меня вызвали к Раисе Павловне.

Она сидела за своим столом, и лицо у неё было хуже, чем

в день, когда затопила соседняя вилла.

— Ефремова. — Она подвинула мне стакан воды, это было неожиданно. — Сейчас звонили из… не важно. Тебя просят освободить должность. Формулировка — «утрата доверия гостей». Одну из наших гостьей, довольно известную, сегодня утром встретила статья в утреннем издании. Фотография на первой полосе. Ты.

— Я знаю, какая.

— Заголовок знаю тоже? — Она откинулась в кресле. — «Вдова-убийца подстилает постели на отдыхе для богатых». Читала?

— Прочитала, — сказала я. — Ошибки в третьем абзаце. И фотография старая, с похорон.

Раиса Павловна посмотрела на меня долго. Что-то в её лице дрогнуло — не жалость, нет, скорее профессиональный интерес человека, который двадцать лет управлял чужими жизнями и учился отличать виноватых от невиновных.

— Расчёт получишь до вечера, — сказала она. — Комнату отеля тебе… хотя нет. Зина звонила. Ты в порядке?

— В полном, — сказала я. И, уже у двери, обернулась: — Раиса Павловна. Если бы вам понадобилась горничная без рекомендации, но с очень чистыми руками, — вы бы взяли?

— Смотря чьи руки и что ими чистили, — сказала она, и уголок её рта дёрнулся вверх, на миллиметр.

У меня не было работы, денег и рекомендаций. У меня был телефон Кирилла — я нашла его номер в марине через

докера, взявшего сотню за справку, — и сорок минут, пока я шла с вещами через холм.

В сорок первую минуту я поняла, куда иду.

Я шла на мыс. К тяжёлой двери, за которой сидел единственный человек на этом берегу, способный сломать моего мужа, как сухую ветку.

Глава 3. Вилла за тяжёлой дверью

К вилле шейха ведёт одна дорога — серпантин через кипарисы, и в конце её ворота, у которых днём и ночью стоят четверо охранников. Меня остановили в ста метрах, ещё на повороте.

— Назовите цель визита, — сказал старший. Русский, кстати, из местной охраны.

— Я принесла документы шейху, — сказала я.

— От кого?

— От человека, которого он захочет услышать, — сказала я и сглотнула. — Скажите ему: женщина, которая подписала бумаги на сухогруз «Мария».

Я репетировала эту фразу всю дорогу. Не «вдова Ефремова» — это слово теперь значит «убийца». Не «прошу защиты» — таких здесь прогоняют. Только груз. Только подписи. Только то, что шейх уважает: дела и деньги, потому что грузовые схемы — его кровь, его холдинг, его порты.

Охранник ушёл говорить. Вернулся через десять минут, лицо его было непроницаемым.

— Проходи. Твои документы осмотрят. Ты — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.